

кроме сосудов. Вероятно, что он слышал все описанные им подробности от какого-нибудь очевидца, земляка своего“.<sup>1</sup>

В 1872 году П. Савваитов, комментируя издание „Путешествия“ в Константинополь новгородца Добрыни Ядрейковича, в будущем — новгородского архиепископа Антония, который был в Византии в 1201 году, писал: „Не был ли он (Антоний, — Н. М.) в Царьграде и во время взятия и разграбления его крестоносцами? Этим можно было бы объяснить, почему новгородский летописец так подробно и обстоятельно повествует об этом событии“. Далее, приведя выдержку из вышецитированного примечания к „Истории государства Российского“, П. Савваитов замечает: „Не был ли, прибавим, этот земляк Добрыня Ядрейкович?“<sup>2</sup>

Несколько соображений по поводу текста повести и относительно передачи в ней собственных имен крестоносцев были приведены издателями Новгородской первой летописи (ПСРА, т. III, 1841).

Примечания были перепечатаны с указанием источника и в последнем издании Новгородской первой летописи, вышедшем под редакцией А. П. Насонова в 1950 году.<sup>3</sup>

Наиболее полно освещена повесть в первом томе академической „Истории русской литературы“: „Новгородская летопись XII—начала XIII века в отличие от южнорусских и среднерусских летописей не склонна вводить в изложение готовые литературные памятники. Исключение представляет находящаяся под 1204 годом повесть о взятии крестоносцами Царьграда“. Далее указывается, что „Новгород в конце XII и начале XIII века был в постоянных сношениях с Царьградом по церковным делам. Накануне осады его крестоносцами туда ездил знатный новгородец Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ новгородский Антоний, археологически точно описавший Царьград перед его разгромом. Знали в Новгороде и о главной достопримечательности Царьграда — Софии — по описанию ее в Сказании о Софии Цареградской. Таким образом, почва для интереса новгородцев к завоеванию Царьграда была подготовлена“.<sup>4</sup>

Вслед за тем в очерке мы читаем краткое изложение содержания повести. В соответствии с примечанием издателей Новгородской первой летописи автор очерка считает, что в тексте повести „идет пропуск, и повесть возобновляется концом речи крестоносцам императора Филиппа или папы Иннокентия III, которые запрещали им «пакости деять Гречьюкой земли»“.<sup>5</sup>

Вопрос о том, перевод или компиляция эта повесть, разрешается автором очерка в пользу самобытности повести. Свидетельством тому является ее язык, который не носит каких-либо отчетливых следов иноязычного оригинала. Язык повести, по наблюдениям автора очерка, ничем не отличается от языка других частей Новгородской первой летописи XIII века.

Далее в очерке идет ссыла на Карамзина, который будто бы высказал предположение, „не составлена ли эта повесть на основании рас-

<sup>1</sup> Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III. СПб., 1818, прим. 149.

<sup>2</sup> П. Савваитов. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872, стр. 8, прим. 17.

<sup>3</sup> Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 46, 49.

<sup>4</sup> История русской литературы, т. I, ч. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 302. Автором данной главы очерка является член-корреспондент Академии Наук СССР В. П. Адрианова-Перетц.

<sup>5</sup> Там же.